

Дмитрий ХРЕНКОВ

СОВЕТСКО- ФИНСКАЯ ВОЙНА

Из записных книжек

В 2019 году исполнится сто лет со дня рождения моего отца, Хренкова Дмитрия Терентьевича (1919–2002). Всю жизнь в нижнем ящике его письменного стола лежали записные книжки, к которым он не давал притрагиваться. Видно было, что он ими очень дорожил. Поскольку последние двадцать лет я не жила в Петербурге, то как-то позабыла про них непосредственно после смерти отца. А когда вспомнила, то подумала, что сын мог их выбросить во время переезда на другую квартиру. К счастью, он этого не сделал, и в прошлом году я нашла их во времянке на даче в Комарово — четырнадцать штук. Первая записная книжка содержит записи, относящиеся к войне с Финляндией 1939–1940 годов. В своей автобиографии отец писал, что после окончания Коммунистического института журналистики в 1939 году он был послан на работу в «Правду», но «когда начался освободительный поход Советской Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию, совесть не позволила остаться в тылу и добровольно пошел в армию, однако попал уже на финский фронт. Работал в газете 8-й армии „Ленинский путь“. В составе этой армии прошел всю Великую Отечественную Войну с первого ее дня» (ЦГАИПД, фонд 24, опись 202, дело 99, с. 9).

В армейской печати отец проработал до 1960 года. Демобилизовавшись, он сначала был заведующим отделом литературы и искусства газеты «Вечерний Ленинград», потом два года директором Академического драматического театра им. Пушкина, заведующим Ленинградского корпункта «Литературной газеты», с 1965-го по 1979 год — главным редактором издательства Ленинградского обкома КПСС Лениздат. В 1979 году он попросил обком (лично Г. В. Романова) об уходе на пенсию, так как хотел осуществить многие из своих творческих планов. Однако ему предложили стать главным редактором журнала «Нева», где он и проработал до 1984 года. Вплоть до 1998 года отец продолжал публиковать заметки в ленинградских и петербургских газетах, в основном на темы, связанные с Великой Отечественной войной.

29/XI-39 г.

Летом здесь болото, а сейчас оно замерзло, и люди спокойно ходят по котловану. Кругом лес. На скатах устроены землянки, прочные и теплые. Казалось, их делали те, кто собираются здесь зимовать. Вечером началось оживление. Получен боевой приказ.

Я пришел сюда ночью. В одной из землянок шло партийное собрание, последнее перед боем. Оно кончилось, и мы вышли на улицу. Здесь раздавали патроны и гранаты. Смех и шутки. А звезды большие и веселые. Люди сейчас готовятся к бою. А в штабе на этот раз народу было мало. Комиссар давал последние указания.

Мл. политрук Н. назначен комиссаром батальона. В другой раз это было бы событием. Но сейчас все воспринимается как должное. Я иду вместе с Н. в его батальон. Он идет в авангарде — первый переходит государственную границу.

Люди ждут сигнала. Вот они двинулись. Разговоры запрещены. Курить можно только в рукав. Так я курил, когда учился в 36—39 гг. Курил и смотрел по сторонам, не увидит ли кто из знакомых. Здесь не думаешь о страхе.

Ночной марш продолжался около часа. В низине устроили привал. В лесу в нескольких метрах от дороги расположился полк. Зажгли костры. Политруки объявили, что здесь будем ждать приказа. Кто-то сказал, что в 24 часа было выступление Молотова. Каждая новость встречается приподнято. Такое настроение. Все думы о боевом приказе. Быстро летит время. Ночь кончается. В 5 часов получили завтрак. Только сейчас я заметил, что я и все другие не спали. Наверное, никто не подумал о сне. Еще бы! Война бывает не каждый день!

Небо заметно сереет. В 7 часов прибыл приказ совещания военного совета. Значит, через час в бой. Я ждал этого часа много лет. Вот почему я очень волнуюсь. Да и не только я. Все. Первый раз в жизни я переступаю порог своей родины. Мне не улыбнутся при встрече хозяева. Они могут встретить свинцом. А как держать себя под огнем? Наверное, никто не скажет. Да я и не спрашиваю. Жизнь покажет.

30/XI-39 г.

Ровно в 8.00 началась артиллерийская подготовка. Мы стояли в лесу в нескольких метрах от границы. Над нами со свистом летели снаряды. Полета не было видно. Слышались разноголосый гром и пение снарядов. Жуткая картина! Жуткая и бодрящая. Если бы было видно, как летят эти подарки, было бы замечательное зрелище. Наверное, такие были фейерверки на карнавалах.

Гром продолжался 10 минут. Наконец смолкло тысячеголосое эхо. Стало тихо. Пригнувшись, мы стояли на коротких митингах. Люди говорили вполголоса, и речи были пламенные и страстные. Но митинги прошли без аплодисментов и криков...

Вот на темном небе описала кровавую дугу ракета. Это сигнал к наступлению, и сотни людей двинулись вперед.

Я полз с командиром взвода, рядом стам (старший майор) — представитель ПУРККА. Он бывалый — был в Монголии. Я копировал его движения. Вот кончился лес. Мы на черной земле. В километре от нас деревня — Хацтавара. Каждую секунду ждем засады. Рука сжимает наган. Кажется, что он жжет руку.

Почему-то я не думаю о финнах. Я смотрю, как ползут бойцы. Они в снегу. Снег забивается за воротник, в сапоги. Должно быть, холодно. Но никто ничего не чувствует.

Мы наткнулись на стог сена. Осторожно осматриваем, пока ничего нет. Подходим к деревне. За все время произведен только один выстрел... Вдруг около меня раздался второй. Мы припали к земле.

Кто стрелял? Оказывается, опять свои. Со стамом захожу в первый дом. В доме тихо. Кругом разбросаны вещи. Люди бежали быстро, оставив добро.

В одном доме мы нашли группу женщин. Они сидели на скамьях и крестились. Плакали дети.

Бойцы осмотрели дом и ушли, никого и ничего не тронув. Переводчик сказал им: — Вас никто не тронет.

Хацтавара — большая деревня. Здесь расположена погранзаства. Я отправился искать ее вместе с пограничником — начальником заставы.

Мы вошли в дом финских пограничников. Люди бежали в суматохе, бросая все: бумаги, оружие, деньги, даже парадные мундиры. В комнате стоят телефонная станция, рация, стойка с винтовками. Винтовки русские 1902 года. Вместо ремня на них веревки, в середине узлы, чтобы удобней было носить. Кровати двухъярусные.

Я зашел в соседнюю комнату. Видно, здесь была столовая. На столе стоят чашки кофе, чайник, аккуратно нарезанные куски черного хлеба, смазанные маслом. Масла мало, оно чуть покрывает хлеб. Финнам не удалось позавтракать, бежали. На улице я увидел следы. Они вели в сарай. Подошел пограничник. Мы отправились по следам. Едва дошли до сарая, как нам навстречу вышел финн. Он держал руки вверх, и было видно, как сильно тряслись они. Он шофер машины офицера, начальника заставы, нам сказал, что все бежали в панике. Офицер тоже. Поспешность была настолько велика, что шофер въехал в канаву, и офицер, не дожидаясь, бросился удирать пешком.

Мы подошли к машине. Патроны и бельё, сливочное масло и галеты, сапоги и шкатулка — все было в беспорядке накинано в машину.

Пограничники рылись в бумагах. Они дают им многое, больше, чем годы наблюдения. Я нашел склад продовольствия — сухие черные галеты, которые даже трудно разбить молотком — основа финского НЗ.

В деревне много красных домов с белыми окнами и карнизами. В них жили шюцкеры. Это их стиль. Здесь жили богато. Здесь готовились к войне с нами: оружие и патроны говорят об этом. Но трусость дана богом, а финны почитают бога.

1/XII-39 г.

Пока не встречаем сопротивления. Редко прозвучит финский выстрел. На привале один боец отошел в лес по собственной надобности. Он был убит финским ножом. Финны рыскают рядом. Они в белых халатах и на лыжах.

— Нужно быть настороже, — то и дело говорят командиры...

Каждое дерево, каждый куст может скрыть противника. Да и не только может, сколько раз мы потом могли убедиться в этом.

Сегодня у меня первое боевое крещение. Я, новобранец, шел с авангардным батальоном авангардного полка. Шли по дороге. Ночь. Впереди по карте лежала переправа через реку Шуя. Днем я узнал подробности взятия переправы и офицерского кордона. Люди действовали, как в кино: быстро, стремительно и удачно.

Бой был недолго. В этом бою был первый убитый — ст. лейтенант Семашенко. Здесь же ему вырыли могилу. Состоялся короткий митинг. Заботливой рукой написали на фанере немало слов. А кто из нас втайне не мечтал об этой фанерке и этих словах!

Перешли Шую. Отойдя от нее несколько километров, мы встретили финнов. Это было первое сопротивление врагов. Наш путь лежал через речушку. Мост через нее был взорван.

Ночью мы подошли к реке. Нас встретили ураганным пулеметным огнем. Противника не было видно. Решили навести мост. Но подобраться к нему не было возможности. Мы залегли и начали отстреливаться. Потом открыли пулеметный и орудийный огонь.

Я был впервые в бою. Вокруг меня свистели пули. Они сбивали кору на деревьях, сбивали с веток снег, и он летел за шиворот. Тело то ли от напряжения, то ли от холода дрожало.

Вдруг около меня треснула ветка, я повернул голову, и мне стало немного страшно. Я увидел человека в белом, который вылез из куста.

Дрогнувшим голосом я крикнул бойцам об опасности и выстрелил несколько раз из нагана. Пулемет дал очередь. Мы услышали стон. Бой все разгорался. Самое страшное для меня были стоны раненых и их душераздирающие и истошные крики. Мороз пробегал по коже. Было много раненых и мало санитаров.

Танки меняли огонь. Снаряды начали рваться в нескольких метрах от нас. Один снаряд разорвался так близко, что дерево полетело в меня.

Я услышал дикий крик:

— Товарищи, помогите!

Я был рядом. Подполз к раненому, перевернул его, и мне на шинель выпали кишки. Это был сгусток человеческой крови. Резкий запах ударил в нос. У меня закружилась голова. Тошнило. Я не знал, чем помочь бойцу, и решил искать санитаров. Вылез на дорогу и увидел, как несли раненых. Их были десятки. Запах теплой крови висел в воздухе.

Утром я смотрел на то место, где лежал. Это было место взрыва мины. Два трупа были без ног.

2/ХІІ-39 г.

Утром мы заняли деревню Пуакило. Это была первая горящая деревня. Финны решили, наверное, следовать кутузовской тактике: отступая, сжигать на своем пути все. Все чаще дорога была минирована. На ней находились брошенные автомобили, шикарные щегольские велосипеды. Вечером входили в станцию Суоярви. Еще день назад мы видели зарево. Это горела Суоярви. Как только мы вошли в огонь, нам стало жарко. Горели дома и склады, горело добро, которое накопилось годами труда.

Когда мы были в середине городка, нас начала обстреливать артиллерия. Но эффекта она не производила. Пожар затмил все. Однако ненадолго. Только вышли из города, как попали под пулеметный огонь. Пули ложились рядом. Я лежал в канаве. Одна из пуль упала около моей головы. Лицо обрызгала грязная вода. Под таким обстрелом мы были десять-двадцать минут. Он повторялся до утра. А утром мы снова двинулись вперед и вспоминали со смехом то, что пережили. Особенно отличился я: пуля хлопнулась в канаву около самого моего носа. В нос зашла вода, и я стал отчаянно чихать...

3/ХІІ-39 г.

Я читал и часто слышал рассказы о мужестве и храбрости. Теперь приходится делать переоценку ценностей. Если теперь мне кто-нибудь будет говорить, что он под пулями щелкал семечки, что он не боится пуль, я буду смеяться. Знаю по себе. Еще со школьной скамьи у меня сложилась мечта побывать в боях. Она осуществилась. Но в первые дни я не только не сделал ничего героического, наоборот, слишком много, наверное, думал о ценности своей жизни. Я спрашивал десятки людей, и они говорили так, как думал я.

Когда я попал второй раз под ураганный пулеметный огонь, я стал проклинать себя: зачем пошел? Но на завтра я снова шел в бой, и каждый бой учил меня. Я перестал бояться выстрелов, перестал нервничать.

На фронте снова выплыла назойливая и нужная мысль о месте корреспондента на фронте. Этот вопрос я решал с тех пор, как пришел в военную газету. Где

быть? Я спрашивал бывалых людей, но никто не мог ответить на этот вопрос. Здесь, в Финляндии, особые условия: они труднее всех тех, в каких уже побывали советские журналисты. Я решил попробовать все, что советовали и что писали. Я пошел с передовыми частями, вернее, даже с целым подразделением авангарда. Четыре дня я был оторван от штаба дивизии. Я шел так, как все. Приходилось быть бойцом и журналистом. Я был с винтовкой, когда это было нужно, и писал у костра заметки, когда бойцы отдыхали.

Когда фронт расширился, я ушел в штаб полка. Здесь был два дня. Затем я решил остаться при штабе дивизии. Здесь можно получить разносторонние сведения. Работники политотдела ежедневно бывают в частях, они поставщики новостей. Здесь же в политдонесениях можно найти то, что интересует корреспондента.

Но с первых же дней я убедился, что этот материал, помимо того, что требует большой доработки, обязательно должен быть проверен. Значит, ежедневно нужно самому бывать в частях, особенно на передовых позициях. Это дает не только хороший материал, но повышает уважение к корреспонденту и к газете. Бойцы видят рядом с собой, под огнем, журналиста, значит, он свой, а поэтому с ним легко говорить.

4/XII-39 г.

Финны любят жить с комфортом. Это обычный мещанский уют, такой, наверное, который промыл Маяковский.

Пока нам встречаются хутора. Трудно судить, как живут крестьяне. Хутора же обитель кулаков и шюцкоров. Богатые дома, но они разграблены. Сначала я думал, что хаос и беспорядок в домах — дело рук красноармейцев. Но я сам входил первым в дома и убедился, что грабеж производили финские солдаты.

Пока идем по одной дороге. Она ровная и гладкая. По ней с успехом можно развивать большую скорость. Но финны безжалостно испортили ее минами. Мин столько, что часто жертвами их становятся те, кто засеивал их. Куски тел — красноречивые тому свидетельства.

Дорога содержалась в образцовом состоянии. Указатели черно-белые, но деревянные. Видно, железа-то небогато у финнов. Его даже на гранаты не хватает. Они наполовину сделаны из дерева. Пока, кроме спичек, я не видел ничего, сделанного финнами. Даже консервные банки и их содержимое привозное. На одной из банок я содрал одну наклейку с надписью «Хельсинки». Под ней была вторая — шведского происхождения...

5/XII-39 г.

Сегодня знаменательный день. Узнал о блестящей победе, давшей нам полустанок Пайеро. Капитан Кулешов со своим батальоном встретился с равным по численности противником. Тот был в обороне. Выбить его из укреплений лобовой атакой было бессмысленно. Тогда Кулешов отважился на хитрость: он подполз на 30 метров к финским блиндажам и приказал бойцам лежа кричать «ура». Хитрость удалась, противник подумал, что его атакует чуть ли не полк, и позорно бежал.

Второй случай. Впервые в жизни попал под бомбардировку. Я был на командном пункте. Вдруг из леса вылетел финский самолет. Он летел бреющим полетом, и казалось, что полозья задевают деревья. Он дал по нам очередь из пулемета и сбросил пять бомб. Взорвалось три. Две оказались набитыми песком. Такие слу-

чай нередки. Я уже видел десятки артиллерийских снарядов, начиненных песком. Видно, наши друзья стараются.

10/ХІІ-39 г.

Время делает свое дело. В книгах я читал о том, что у фронтовиков постепенно черствеет сердце. Не знаю, черствеет ли оно у меня. Во всяком случае, все, что раньше было происшествием, теперь я встречаю как обыденное. Летит финский снаряд, «чужой» — мелькнет мысль, и подсознательно втягиваешь голову в плечи, падаешь на землю. Появляется вражеский самолет — нет уже растерянности.

Я уже думал, что пуля для меня не страшна, но вчера попал под обстрел — и все-таки страшно. Нет трусости, нет боязни выстрелов. А боязнь за свою жизнь живет. Особенно не хочется умереть глупой смертью, от шальной пули.

А их много. Я шел вчера ночью в штаб.

— Стой, кто идет? — останавливает меня окрик часового. Но где он? Я осмотрелся. Красноармеец стоял от меня в 50 метрах.

— Свой, — отвечаю я.

— Пропуск?

Я не решился кричать.

— Знаю, — сказал я часовому и пошел на него.

Слышу, он щелкнул затвором.

— Ложись! — кричит.

Делать нечего, пришлось лечь, пролежал я несколько минут, и часового, наверное, стали брать сомнения.

— Слушай, — кричит он мне, — может быть, ты действительно свой?

— Свой, — сказал я и подошел к нему.

15/ХІІ-39 г.

Когда часть наступает, работа журналиста интересна. Бойцы возбуждены, рады, и это чувство передается мне. Тогда легко организовать материал. Но стоит только части остановиться, как теряются связи. Сколько потом на дно ни ходи на передовые, а толку много не будет. Сегодня ко мне приехал Бакалов¹. Здесь же был Сырцов. Нужно было за несколько часов организовать материал на срочный номер. Пошли мы на передовые. Вышли в 6 часов утра. Темно. Идем лесом. На дороге тишина и пустынно. Немного страшно. Чувствую, что ребята бодрятся, шутят, бодрюсь и я.

А ночь гоголевская! Звезды большие и яркие, веселые и зеленые. Небо светлое. Вообще природа влюбленных. А здесь, на фронте, хочется любви. Чистой и товарищеской, верной и беззаветной. И пусть любимая будет далеко от фронта. Пусть, но вечером она ходит в театры, крепко спит и часто смеется. Пусть она вовремя кушает и читает новые книги. Достаточно, чтобы она помнила меня, чтобы писала, и я ежедневно ощущал ее присутствие в сердце, чувствовал, что она внимательно следит за моей жизнью. И очень жалко, что нет любимой. Впрочем, может, это и не нужно.

Мы втроем подошли к передовым. Их близость чувствуется сразу. Над головой пролетают снаряды. Строчат пулеметы. Здесь их хватает. Здесь не ходят спокойно.

¹ Бакалов Александр Петрович — близкий друг Хренкова Д. Т. После войны одно время был собственным корреспондентом АПН в Латвии. Проживал в Риге.

Люди, втянув головы в плечи, бегают. На опушке нас начали обстреливать. Видно, какой-то финн, засевший на дереве, заметил нас. Когда мы пошли по болоту, пули стали свистеть над головой. Побежали, болото длинное, дорожка покрыта льдом. Бежать трудно, но пули подгоняют. Вдруг я упал. Поднявшись, я увидел бледное и испуганное лицо Сырцова, он думал, что меня подстрелили.

20/ХІІ-39 г.

Время идет, и все становится на свое место. Уже для многих я старый вояка. Меньше думаю о газете и материалах. Чувствую, что главное для корреспондента не только газета, но и фронт. Приходится становиться работником политотдела. Расчищаешь дорогу, наблюдаешь, как кормят бойцов, как доставляют письма и газеты. Часто сам забираешь пачки писем от бойцов с передовых и везешь их на почту.

В сотне таких житейских дел проходит время. Темнеет быстро, и не замечаешь, как проходит день. Ночью, усталый, но довольный, валишься где-нибудь у костра и сладко спишь. Просыпаешься. Тот бок, которым лежал на земле, ноет. Значит, замерз. Переворачиваешься на другой. Но уже чаще ворочаешься. Первый сон прошел. Засыпаешь урывками и только к утру.

Разве я когда-нибудь мечтал об этом? Даже подумать не мог, что придется когда-нибудь так жить. Но я рад, что пришлось мне вкусить такой жизни. Она многому учит.

22/ХІІ-39 г.

Ночью ехал в редакцию. Впервые за месяц отсутствия ждал писем. Они приносят много бодрости, и ждешь их как праздник. Здесь, в редакции, собрались тыловики. Типичные обозники. Рассказы о самых обычных вещах приводят их в умиление или страшат.

Неужели я так изменился? По-моему, не может быть хорошего сотрудника фронтовой газеты без того, чтобы он не был на фронте. Тыл делает из него труса и сказочника. Он блестяще вооружен: гранаты, пулемет, личное оружие. Но как стрелять из них — никто не знает.

Сегодня видел Штерна, прославленного полководца и героя. Штерн — красивый, обаятельный человек, когда он говорит, нельзя отвлекаться. Слушаешь его и веришь ему. Он прост и резок. Видно, что он привык, чтобы люди были такими же, как он. И очень хочется быть именно таким.

Сегодня нас бомбил вражеский самолет. Летчик ошибся на долю секунды. Иначе снаряд упал бы в дом редакции. В двадцати метрах от нее разорвалось две бомбы. Грохот страшный! Дом после качался, как карточный.

23/ХІІ-39 г.

Кто-то, кажется Пастернак, сказал: «Приедается все, лишь тебе не дано примелькаться». Мне кажется, что будут большие бури, изменения в моей жизни, но я вечно буду идти по жизни мечтателем. И снова буду видеть кровь. Снова буду месяцами не мыться, буду жить у костров, но мечты будут вместе со мной.

Иногда мне становится страшно. На фронте мне хочется снова очутиться среди любимых друзей и научить их тому, что научили меня. Мы часто любим

говорить о том, что готовы пойти на фронт, под пули, готовы к лишениям и трудностям.

Но кому это нужно? По-моему, необходимо много и тщательно готовиться к этому серьезному шагу во время жизни. Ведь только нам, и больше никому, предстоит участвовать в грядущих боях. Нам, и только нам, нужно быть такими, чтобы никто не смог нас сломать. Потому нужно не болтать, а учиться, много и настойчиво учиться. Часто вместо знания военного дела у нас хвастовство. Вот почему мне хочется быть с друзьями и рассказать им обо всем этом. Но часто мне хочется просто побыть в кругу друзей, поспорить о хорошей книге, побывать в театре. Это разбалтывающие мечты. Но они существуют. И много труда стоит подавить в себе их. Очень много.

А часто ночью, у костра, когда полудремлешь, приходит образ, знакомый и милый, образ любимой девушки. Той девушки, которой, может быть, нет на свете, которая выдумана, создана в стихах. Но хочется, чтобы была эта девушка рядом, чтобы я чувствовал ее близость. И от этой близости мне было бы весело и радостно.

25/ХІІ-39 г.

Люди шли на передовые позиции. Что думали они? Может быть, даже о смерти, может быть, о славе. А в это время радиола разносила звуки печального танго. И было странно слушать в лесу, в километре от жаркого боя такую музыку. И становилось радостно и грустно...

26/ХІІ-39 г.

Мне рассказал один боевой командир. Шла колонна. Саперы, бывшие впереди, передали по цепочке:

— Осторожно, мины!

И когда эта весть дошла до конца, там уже кричали:

— Финны!

Началась беспорядочная стрельба. Первые дни беспорядочной стрельбы было больше, чем необходимой. Кто-нибудь выстрелит случайно или с испуга, и начнут стрелять — палить в небо. Я несколько раз видел, как лежит боец, уткнув голову в снег, а винтовка торчит дулом вниз. Человек испуганно, не глядя, лихорадочно передергивает затвор и расстреливает обойму.

29/ХІІ-39 г.

Сейчас поздняя ночь. Мы приготовились расположиться на сон. И вдруг невдалеке от нас вспыхнуло зарево. Финны рыщут по тылам...

И вот мы сидим и ждем. Нас мало — всего около взвода. Стоит финнам напасть, и мы будем вырезаны. Люди усталые. Я вижу, как бодрятся они, готовятся ко всему. Но вот голова падает, глаза закрываются сами, и люди начинают тихо похрапывать. Потом встрепенутся, откроют глаза, посмотрят, что все в порядке, и снова начинают настроенно спать.

31/ХП-39 г.

Сегодня новогодняя ночь. Она пришла неожиданно и, по-гоголевски прекрасная, нависла над позициями. Я сижу у репродуктора и слушаю тихую чарующую музыку, идущую от радиолы. Родина! Как часто мы произносим это слово и плохо понимаем его смысл. И только вдали от нее, когда она требовательно тянет к себе, тогда познаешь великую силу отчизны.

А музыка льется. Я знаю, что друзья мои танцуют сейчас, веселятся и, наверное, даже не думают, что я сижу у приемника и завидую им. Артиллерия наша посылает новогодние подарки. Через ровные промежутки на бумагу сыплется земля с потолка. А в это время стрелки на Спасской башне Кремля подходят к цифре 12. Через несколько минут она подойдет и, как мне кажется, на секунду остановится, словно взвешивая: а все ли было хорошо в году и стоит ли переходить в новый?

Стоит! Стоит, смелей! Смело начинай год, мы выросли и окрепли в прошлом году, мы закалимся в будущем.

Вот часы начинают свою игру. Миллионы людей сейчас на несколько минут остановили вихрь танцев. Они поднимут бокалы, они встречают новый год, они ждут счастья, они будут добиваться его и добьются.

Я выхожу из землянки. Ночь — сказочная. Тихо потрескивают от мороза ветви, слабо мерцают звезды, и месяц ходит по небу именинником. Ночь исключительной красоты. Кажется, что не хватает только черноокой Ганны, веселого Вакулы и прекрасной Параськи. А больше всего сейчас не хватает друзей, старых и милых хороших друзей. Хочется, чтобы они стояли рядом со мной в этот час...

6/І-40 г.

Впервые в жизни я выдерживаю 34-градусный мороз. На родине таких морозов нет. Я шел по лесной дороге, и звонко хрустел под ногами снег.

Лес, в котором рыскает смерть, сейчас безумно красивый. Сегодня страшный день. Беспрестанно летят снаряды, строчит пулемет, сея смерть. И кажется, что лес специально вырядился. Он стоит, одетый в узорный белый наряд. Розовое солнце красит верхушки сосен и обливает яркими красками.

9/І-40 г.

Все чаще встречаются небольшие холмики. Это могилы. Заботливой рукой на свежеструганных досках или просто на дереве цветным карандашом выведено: «Пал смертью героев».

Связист Евстигнеев один пошел в лесу по проводу. Нужно было найти разрыв. И когда он нашел его, попал под обстрел. Он начал отстреливаться. Один против десяти. И пал в неравном бою.

Теперь на месте боя стоит танковая часть. Танкисты подобрали товарища, вырыли ему могилу. И каждый раз, идя в бой, они смотрят на небольшой холмик, словно вспоминая образ отважного связиста. Им хочется быть такими, как он.

В боях зреет дружба. По-настоящему человеческая дружба, о которой я только читал, но видел которую мало. Я смотрю, как создаются прочные узы, соединяющие людей. Разве не лучшим выражением ее является такой факт. Орудие поддержи-

вало пехоту. И вдруг налетел вражеский самолет. Сбросил бомбу. Весь оружейный расчет был выведен из строя. В живых остался только наводчик Волков, и, зная, что пехота ждет огня, он один заменил весь расчет и вел огонь.

Связист Васильев шел починять линию. По пути встретил двух бойцов, несущих завтрак на передовые. Когда вышли на открытое место, финны открыли сильный огонь. Васильев побежал. Но товарищи с котелками не могли быстро бежать — могли разлить суп. И Васильев уменьшил темп. Ведь нельзя же бросить товарищей. И когда почти кончалась поляна, Васильев был ранен.

12/І-40 г.

Понаехало писателей в редакцию — уйма. Все они в большинстве орденопрощцы. А значит, много анекдотов, разговоров и басен.

«Фишем² едешь, орден получишь».

«Два притурковатых брата» — Братья Тур.

«Д. Автиль» — Дедушка русского аванса.

Наши поговорки и пословицы:

О Шевнине (цензор) — шевнины мозгами.

Огин и Сапуго (лит. сотр.) — Два сапига — пара.

Тебе сапиги шить.

У меня нет сапигов.

Молчанов («Красная звезда») — Не занимайся молчанством.

Фиш (писатель) — Фише травы, фише воды.

Ходоков и Коробов (корр.) — Послали ходоков, наврали они с три коробова, и получилось хренково.

Бакалов (корр.), Глизерман (нач. издат.) — Смотри во все глизерманы, а то дам по бакалам.

23/І-40 г.

Бойцы вели пленного. Обычный финн. Его маленькие бесцветные глазки испуганно бегали по сторонам. То и дело навстречу этой процессии попадались группы красноармейцев. Каждая из них останавливала конвоиров и спрашивала:

— Где поймали?

— Елочник это. С елки сняли.

— Кокнуть эту сволочь! — советовали одни.

— Что церемониться с ним, расстреляйте.

И так на протяжении всего пути финн встречал озлобленные лица, взгляды, исполненные ненавистью. Он слушал слова бойцов, и голова его все больше втягивалась в плечи. Но вот привели его в штаб. Он осторожно сел на кончик стула. Немного успокоился. Все командиры стали смотреть в его сторону. И каждый, проходивший

² Геннадий Семенович Фиш (1903–1971) — писатель, переводчик, киносценарист. Повести о Карелии: «Падение Кимас-озера» (1932), «Третий поезд» (1935), «Мы вернемся, Суоми!» (1933–1934), «Ялгуба» (1936) и другие. По его сценарию снят фильм «Девушка с характером».

мимо, считал своим долгом сказать что-нибудь по адресу пленного, подкрепляя свои слова матом.

Мешок пленного лежал рядом с ним. Я заинтересовался содержимым его. Но когда я протянул за мешком руку, меня остановил спокойный голос:

— Трогать нельзя!

Я отошел. В это время в комнату вошел комдив.

— Ага, попался елочник! — сказал он. — Ведите его ко мне, — приказал бойцам.

Я вошел в комнату комдива.

— Шюцкор? — спросил командир у пленного.

— Нет!

— Что делал, когда тебя поймали?

— Сидел на дереве и передавал...

— А, передавал, значит, шюцкор! — решил комдив.

— Нет, я не шюцкор.

В это время я рассматривал содержимое мешка. Там были запасные части к разной технике и предметы солдатского обихода.

— Офицер? — снова спросили пленного.

— Я не офицер, — последовал спокойный ответ.

Спокойствие и наглость пленного стали возмутительны.

— Да кто же ты?

— Я член ВКП(б).

Мы ахнули.

— Но почему в тылу у финнов? Почему на дереве?

— Я не могу ответить на эти вопросы.

Через час мы узнали, что этот человек пятнадцать дней сидел у белофиннов в тылу и выполнял большую и ответственную работу, это смелый товарищ.

6/II-40 г.

Приехал корреспондент «Известий» Осипов. Он рассказывает:

— Для ленинградцев наступила тяжелая жизнь. Из театра идешь — темень страшная. А батарейки для карманного фонаря достать трудно.

А мы сегодня шли в политотдел по деревне. Здесь нет, как в Ленинграде, ни улиц, ни тесно прижатых друг к другу домов. Была страшная метель. Я никогда не видел такой. В двух шагах не было видно человека. Несколько раз мы натыкались на забор дома, по пояс проваливались в снег. Ветер наметал сугробы, метр чистого места, а потом большие глубокие сугробы. Крикнешь, и ветер подхватит голос и понесет его со свистом и воем. Мы сбились с дороги и шли, крепко взявшись за руки. Рубаха стала мокрой от пота, прилипла к телу, а руки свело от мороза, в лицо, за шиворот намело колючего снега. А в такую ночь люди стояли в дозорах, одни в лесу. Ветер хлестал им в лицо, и мне было стыдно за то, что я шел в тепло.

А потом было совещание орденосцев. Собрались простые люди. У них еще не блестели на груди ордена. У них были потрепанные шинели и не совсем чистые руки. Зато душа была чистой у них. Они по праву заслужили сидеть за уставленными закусками столами, петь веселые песни. Они имеют право на песни, еще не написанные для них песни. Они должны быть такими же как они, простыми и красивыми, такими же смелыми, грустными и веселыми.

Я видел, как вдруг среди общего веселья сходила с лица улыбка и слезы текли из глаз. Они вспоминали своих товарищей, погибших в боях.

7/II-40 г.

Я привык, что здания редакции — лучшие в городе, что люди в модных костюмах, с яркими галстуками на шеях спуют по коридорам, сдав машинистке материал, отправляются в кино и театры.

Я никогда не думал о том, что мне придется собирать материал без карандаша, блокнота, напрягая память, запоминать. Я никогда не думал, что мне придется писать на 45-градусном морозе, когда пальцы сводятся и стоит большого труда заставить взять ими карандаш, а часто это не удается.

Сегодня я смотрел, как наборщики работали. Рядом с домиком, где помещаются редакция и типография, стояла батарея. От выстрелов содрогались стены, из верстаков сыпался набор. Но они снова собирали его, обвязывали эти несколько строк шпагатом и продолжали свою кропотливую работу. Кропотливую, но благодарную. Как рады ей бойцы. На фронте газетчики пользуются самой большой популярностью...

8/II-40 г.

Мне рассказывал шофер, простой и хороший парень. Я ехал в кабине. Ночь. Жутко ехать ночью по безлюдной дороге. На штаб, куда приехал мой водитель, ночью напали белофинны. Началась паника. Начальник штаба сказал шоферу:

— Придется отступать. Сломай или взорви машину. Врагу не достанется.

Но Смирнову (шоферу) было жалко расставаться с машиной, и он решил выбираться на ней. Поехал. Поручили вести раненых. Когда он вырвался из деревни, финны стали обстреливать машину. Пули пробивали кабину. Одна мина ударилась об радиатор, полетели стекла. Другая разорвала баллоны. Но Смирнов доехал на ободьях.

Шофера творят героические дела. Они питают и снабжают армию. Они ездят в мороз, и в метель. Стоит остановить машину, и она замерзает — 50 градусов мороза. Ежедневно они подвергаются обстрелу и налету врага.

Я знаю одного шофера, у которого остановилась машина, кончился бензин. Он пять суток в ней ожидал, пока ему привезут горючее. Водители не спят по несколько суток, а если спят, то прямо в машине, часто не едят и не пьют.

12/II-40 г.

Один отчаянный головорез — командир взвода в разгаре боя подал команду:

— По обманутым братьям огонь!

А потом после боя, когда финны были разбиты, он объяснил свою команду:

— Мы протягиваем финнам руку, а они простреливают ее.

Отделение шло по лесу. Впереди был младший политрук. Вдруг он увидел, что ему навстречу идет большая группа белофиннов. Командир стал пятиться, финны его заметили и двинулись за ним. Бегут и кричат:

— Русский, стой! Сахар дам! Хлеб дам! Женщин дам!

А потом, когда убили преследователей, один добродушный украинец, который только пять минут назад бежал от финнов впереди рассказчика, нашелся спросить только одно!

— А где він ее возмэ?

18/II-40 г.

Между нашими частями и финнами большое озеро — нейтральная зона. Днем неожиданно выскочил на озеро лось. Он бежал в нашу сторону. Достигнув середины ледяного поля, он остановился, осмотрелся и повернул обратно. Красноармейцы не хотели отпустить этого гостя. Щелкнул выстрел снайпера, и лось упал на середине озера. Обе стороны ждали. Затем три финна отправились за добычей. Но наш снайпер убил их. Снова передышка. Потом полезли за лосем наши — ради спорта. Видя это, с противоположной стороны выскочил большой отряд финнов. Голодные, они бросились к лосю. Но заработали наши артиллерия и пулеметы, дело дошло до того, что стал бить КАП. Из-за лося погибло очень много финнов и ни одного красноармейца.

4/II-40 г.

Штурм высоты «Огурец».

Подступы к озеру с трех сторон. А на высоте пулеметы, фланговый огонь пулеметов. Три дня бились за нее. Бесполезно. Люди ползли в снегу, мокли, огонь их останавливал, они замирали на месте, мороз сковывал одежду, руки, тело. И все равно ползли вперед. Ползли под крики раненых, разрывы мин, снарядов, гром выстрелов. А впереди проволочные заграждения. И вот комсомол объявил себя мобилизованным. 600 человек пошли на штурм. Они висели на проволоке, и ни один не вернулся назад.

КОНЕЦ ЗАПИСЕЙ

Предисловие и подготовка текста к печати
Ю. Д. МИХАЙЛОВОЙ